

Дизайн автора

ВЕСЕЛАЯ ЗЕМЛЯ

Я не видел ее недели две. И вот утром после ночного дежурства, когда я, отпустив шофера, доведшего меня до дома, пошел купить апельсины, в лавочке у зеленщика мы столкнулись лицом к лицу. Она была в легком шелковом платье, выше колен, по моде того времени, ноги загорелые, стройные, волосы светлые, двумя золотыми лентами падающими вдоль высокой шеи, загорелые плечи прикрыты только двумя тоненькими лямками, сухие сильные ключицы – торс легкоатлетки, лицо узкое, щеки впалые, губы по-негритянски вперед (признак натуры чувственной и лиричной), глаза голубые. Голубой глаз – дурной глаз, по египетским поверьям. И все же эталон красоты здесь – голубоглазая блондинка, Мэрилин Монро. Коран строг, никто не пьет, и возжеление, которое, похоже, испытывают тут все поголовно, ищет себе выход за рамками веры – на чужой территории. Женщинам из России в Каире непросто.

Чуть наклоняясь, она держала за руку маленькую рыженькую девочку двух лет. Другая ее рука была отягощена хозяйственной сумкой. В сумке на двух толстых пятернях бананов лежали оранжевые ядра апельсинов.

– О господи! – обрадовался я встрече, которой подсознательно ждал все эти дни. В то же время мой возглас можно было объяснить и тяжестью ее сумки, которую я немедленно взял у нее.

– Спасибо, – сказала она, словно я и в самом деле появился куда как кстати, и пошла рядом со мной, стройная, легкая, на высоких каблуках, пружинящим шагом бывшей спортсменки. Рыженькая, в папу, девочка семенила рядом, не выпуская ее руки, и задирала ко мне голову, морщась от солнца. Папа был из гражданских спецов, обслуживающих ЛЭП – линии электропередач, идущие от недавно пущенной Асуанской плотины. Они, лэповцы, жили в соседнем с нами, военными, доме.

– Как тебя зовут, малышка? – спросил я. Она не ответила и закрылась от меня своей маленькой, какой-то безумно белой ручкой, цвета побегов, прорастающих на пережившем зиму картофельном клубне. Мы обошли еще несколько лавочек, и нас, естественно, везде принимали за супружескую пару, ибо ни одному арабу даже в голову не пришло бы вот так прогуляться с чужой женой.

– Рядом с мужчиной совсем иначе себя чувствуешь, – сказала она. – Одной тут лучше не появляться. Такого наслушаешься. Только дочь меня и вырачает.

– Вы понимаете по-арабски?

– Что они говорят в переводе не нуждается.

– Просто вы им нравитесь, а они народ открытый.

– Они нас просто не уважают. Мы чужие. Притом все сексуально озабочены. Им что, жен не хватает?

– Далеко не каждый может позволить себе жену. Ее надо кормить и содержать. Просто вы красивая. Красивым везде приходится туго.

Я хотел проводить ее до самого дома, даже, может быть, до самой двери, но она решительно покачала головой и протянула руку за тяжелой сумкой:

– Давайте лучше здесь. А то увидят меня с вами...

– Муж выбежит с топором...

Она засмеялась:

– Мужа дома нет. Но соседки... Им до всего есть дело.

Когда она брала сумку, я задержал ее руку в своей:

– Мы не можем увидеться?

– Можем, – повела она плечом, глядя мимо меня вдаль, где плели сети из узкой листвы голоствольные эвкалипты. А малышка ее, задрав головку в рыжих кудряшках, внимательно смотрела на меня, словно запоминала для папы наш разговор. – Или не можем...

Потом она внезапно уедет, не попрощавшись, и я так никогда и не узнаю, что же ее потянуло ко мне – скука, одиночество, отсутствие живых впечатлений, любопытство, любовная неудовлетворенность – муж работал в Танте, в шестидесяти километрах на север от Каира, возле дельты Нила, и наезжал только в выходные дни; попытка ли обрести самое себя среди осатанелого однообразия быта в чужой стране, где нет ничего твоего, хотя многое можно купить; мечта ли о другой – яркой и полнокровной жизни, столь заманчивой, если судить по многочисленным голливудским фильмам, шедшим в кинотеатрах Каира. А, может, ее ко мне и не тянуло, и на моем месте мог оказаться любой другой, посмотревший на нее тем же арабским проголодавшимся взглядом молодого холостяка. Но им оказался я, потому что выпал из обычного графика, потому что стал жить один, сутки на дежурстве, двое – дома. С утра все хабиры, то бишь специалисты, все лэповцы на работе, только их жены не знают, куда себя деть, даже если у них дети.

Еще лет десять назад я помнил ее имя, а теперь – хоть убей, не могу вспомнить. Помню только букву «л» – Елена, Светлана, Ольга?

Она была из тех чувственных, простодушных и отчаянных в любви женщин, которых, увы, так мало встретилось на моем пути. Они бесстрашны, щедры и терпимы и если отдаются чувству, то без всякой задней мысли, им не свойственны капризы, они самокритичны, а любимых – напротив, наделяют всяческими достоинствами. И если они понимают, что час их миновал, то уходят без слез и упреков. Мечта поэта. Я бы осмелился предположить, что это не русский тип женщины, а, скажем, латиноамериканский, колониальный, где мужчина, мачо, – это все, но если бы я хоть что-нибудь в этом понимал...

Дабы оказаться с ней вдвоем в Гелиополисе в ночном клубе «Merry Land», – он недавно был выстроен на месте ипподрома – мне для начала пришлось взять такси на одном конце Наср-Сити и подобрать ее на другом конце, где нас никто бы не узнал. Завидев ее, я велел водителю притормозить. Она заметно волновалась. Я открыл заднюю дверцу, махнул ей, предусмотрительно не вылезая, и она, быстро перебрав разделяющее нас расстояние молодыми ногами, удлиненными высоким каблуком, впрыгнула в машину, опустилась рядом и сама захлопнула за собой дверь, как бы продемонстрировав свою безоглядную решимость.

– Вперед! Алатуль! – сказал я шоферу, и тот, словно поняв правила игры, рванул с места как в каком-нибудь американском боевике.

– Уф! – перевела она дыхание. – Чуть не умерла от страха.

– Не бойтесь, – сказал я. – За нами никто не гонится.

Мы были еще на «вы».

– Все равно страшно. Такого еще со мной не было. За два года здесь я еще ни с кем не убегала от мужа.

Как только дверь за ней захлопнулась, я почувствовал, что она моя, и положил ей руку на плечо. Она была в блузке и короткой кожаной юбке, высоко открывавшей ее ноги. И в ее бедре, на поворотах касающемся моего, чудилось столько беспечной радостной силы, что голова моя наполнилась звоном, а чресла жаром.

Прежде я уже был в Мэриленде и чувствовал себя хозяином положения. В тот раз мы пили там всей нашей переводческой кодлой. Да, только пили да говорили – а арабы танцевали со своими арабками. Приглашать арабок никто из нас не рискнул, мы, иноверцы, даже подшофе помнили, что такое шариат, и не лезли на рожон. Чтобы танцевать с арабками, были другие значные места, здесь же был просто респектабельный ночной клуб для средних буржуа с европейским воспитанием, но тоже блюдущих закон шариата.

Мне тогда понравилось в Мэриленде, и вот я вез туда Ольгу. В тот раз мне не понравился лишь фотограф со своей вспышкой. Он все время околачивался возле нас, предлагая фото на память, и хотя мы отмахивались, все щелкал и щелкал бесплатно, слепя своим магниевым светом. Я отворачивался, когда успевал, будучи уверен, что он работает на египетскую контрразведку.

И вот я сидел рядом с красивой женщиной, своей, европейской, больше того – русской, и водитель вез нас в сгущающихся сумерках к островку другой жизни под названием «Веселая земля».

По красной ковровой дорожке, мимо кланяющихся раисов в синих, расшитых золотом халатах мы поднялись на второй этаж этого круглого, как шайба, здания, вставшего посреди сада, где вокруг пруда, в котором плавали лебеди, вились садовые дорожки, иногда взбегая на островок с беседкой, в которой также можно было занять столик, но мы предпочли сесть внутри, так как в конце марта к вечеру становилось свежо, к тому же нам хотелось потанцевать. На втором этаже был полусвет, лившийся откуда-то из-под карнизов, но вскоре и его выключили, а на каждом столике зажегся розовый светильник да по потолку иногда пробежали всполохи желтых и красных огней – это над кругом танцевальной площадки тихо вращался шар, выклеенный зеркальной мозаикой.

Заканчивался март 1969 года, «Биттлз» то ли уже распались, то ли еще нет, и во всех ресторанах мира звучали их песни. Впрочем, арабский ансамбль, вооруженный европейскими музыкальными инструментами пел и на других языках – французском, итальянском, греческом... Европа была рядом – по ту сторону Средиземного моря, и отсюда казалась гораздо ближе, чем из моей страны. До Италии было просто рукой подать.

Еды мы с Ольгой не заказывали – только фрукты, зато пили, но так, чтобы вино не мешало ногам. Мы не пропускали ни одного танца – Ольга двигалась легко, красиво, и я старался соответствовать ей. На нас посматривали, за нами следили – в тот вечер мы были здесь единственными европейцами. Танцевали же все примерно одинаково – что-то в духе еще модных тогда твиста и шейка. Но был и медленный фокстрот, когда можно было, как в старые добрые времена, обнять, прижать к себе свою женщину, вдохнуть аромат ее кожи, ее французских или еще слаще – арабских духов.

Внизу за окнами совсем стемнело, и все, кто сидел снаружи, перебрались к нам. А там по черным лагунам среди цветов и беседок скользили белые призраки лебедей, и казалось, что они плывут прямо по поверхности черной бездны, пока вдруг не вспыхивал, обнаруживая водную гладь, серебристый отблеск фонарей или брызг, поднятых при резком повороте неслышно работающими лапками птиц. Самих же перепончатых желтых лапок не было видно – так они неустанно перебирали, перемешивали теплую черную субстанцию, чтобы та не остыла, загустев, словно желе.

Мы не клялись в любви друг к другу, но в этот вечер мы друг друга любили. И чем дальше шел наш разговор, тем больше нам казалось, что мы созданы друг для друга, и чтобы устранить ту

жизнь, в которой мы наверняка не будем вместе, я заказывал еще вина, и вежливый официант с отменным артистизмом вновь наполнял наши бокалы.

О, музыка, чудо-музыка, ничто не сравнится с тобой – одна ты владеешь нашей тайной, тайной нашего сердца, тем тонким миром, который ведь никак иначе и не обозначить, как только мелодией. Что же ты обещаешь нам, чем морочишь нам голову, зачем смущаешь наши души?! Ведь уже проверено, что того, что ты внушаешь, того на свете нет. И если даже есть, то мы не в силах увидеть, войти, объять и быть объатым – потому что все это существует в другом измерении. Но вот беда – не можем мы обойтись без этого другого измерения, не можем, да и все тут! Что-то нужно нам, то, что не имеем и иметь не можем. Но нужно, как хлеб. Это и есть хлеб – хлеб души. Мечта, надежда, глупость мечты, дурость надежды. Словно мы жители двух миров, а может и трех, и только благодаря этому мосту из звуков, слагающих мелодию, можно попасть в тот, другой, мир. И хорошо бы не возвращаться, или хотя бы поменять миры – чтобы из того, прекрасного, тонкого, иногда, для контраста и обновления чувств, заглядывать в этот – жестокий и грубый. Вот и Египет оказался для меня таким тонким миром. Уже четвертый месяц я живу в другой реальности, и чтобы быть счастливым окончательно и бесповоротно, я привел в него женщину. В том мире у нее был муж и ребенок, рыженькая девочка двух лет, а в этом мире у нее есть только я один.

Тем временем европейская музыка смолкла, на маленькой чуть приподнятой сцене появились новые музыканты – в галабеях, с щипковыми, струнными и ударными инструментами, расселись в кружок, ударили в бубен и запиликали, забренчали, застонали, и выбежала знаменитая Заки, в ту пору одна из лучших в Египте исполнительниц танца живота, и, как говорят, самая богатая женщина Каира. Танец живота в эпоху насеровского строительства социализма – а ведь так пропаганда и утверждала – танец этот пострадал от цензуры и стал чуть ли не целомудренным, хотя истинная его природа как раз и заключалась в том, чтобы выражать страсть, и, выражая, разжигать ее.

Заки была полноватой, соответственно арабским канонам женской красоты, у нее было круглое лицо, чуть приплюснутый нос с резкими крыльями ноздрей, что придавало страстность ее лицу, и прекрасные волосы, длинные и тончайшие, льющиеся, как черный водопад. Она была в лифе и трусиках, но вместе с тем тело ее свободно облегал тонкий прозрачный шелк, а точнее – газ, а шаровары ее с бахромой, падающей на полные, но стройные бедра, были из такого же газа. Она была босиком, и была хороша, особенно ее воздетые полные руки, и бедра ее, которыми она встречала, как бы ловила, каждый падающий удар бубна. Танец живота – это танец волн, их чередование, прибой и отбой, когда вслед идущая сшибается с той, что уже прынула вспять... Но это только начало, потому что нет предела прихотливости ритмов, в которых женское начало соединяется с мужским. Мужское – это бубен, он повелитель и халиф, он приказывает, он ведет – и бедра послушно отзываются на каждый выпад-удар, но вот они замышляют бунт, непокорные, – пропускают атакующие удары, сначала каждый второй, а потом и несколько кряду, капризничают, то откликаясь, то нет, словно накапливают энергию, которая вдруг разряжает себя в ответной бисерной дрожи...

Пора-пора, сколько я тебе должен, уважаемый, да, нам понравилось, ну, конечно, мы непременно сюда еще придем, мы будем приходить каждый день, нет, каждый не получится, потому что я дежурю в Гюшах, а на выходные приезжает ее муж. Да, кстати, зачем ты вышла замуж, выходи лучше за меня, хорошо, я выйду за тебя, куда ты меня ведешь, милый, я веду тебя в сад, где благоухают ночные цветы, и плавают ночные лебеди, где цветет огненным цветом акация, недаром ее здесь зовут на французский лад “фламбуаз”, где я сам как в огне, иди ко мне, дай объять тебя, губы твои, как рахат-лукум, и маленькие груди твои с заострившимися сосками, как два послушных птенца.

Желание было таким пронзительным, что тут же на садовой дорожке, в тени ночных кустов и деревьев я снял с нее трусики. Они были такие маленькие, что даже на ладони им было просторно. Я уже положил их в карман, но еще смаковал в памяти, как она легко оперлась на меня и послушно, без слов, вынула из них сначала одну ногу в туфельке, затем другую. Теперь ничто не разделяло нас, кроме ее короткой юбочки из мягкой замши. И, поцеловав ее горячее бедро у изножия и встав с колен, я уже начал уверенно поднимать эту юбочку, как вдруг сбоку от нас, в

сплошной почти темноте, возник силуэт арабского человека с длинной палкой, и этот силуэт на плохом английском сказал нам:

– Здесь вам нельзя, мистер и мисс. Идите домой, там можно.

– Спасибо за совет, – хмыкнул я, нимало не смутившись, – до того ли было! – обнял за плечи свою послушную подругу, и мы пошли по дорожке к выходу.

Когда он успел нас засечь? Они теперь шныряют по всему саду, шпионят, блюдут. Какого рожна им надо? Напоят, станцуют животом, а потом – низзя, мушмумкен! А где можно? Завели бы кабинеты, что ли...

Я остановил такси и мы сели.

– Наср-Сити итнын, – сказал я таксисту.

Он послушно, чуть наискось, кивнул, и мы поехали. Во мне звучала музыка – то ли бубнов со смычковыми, то ли битлов со щипковыми, и еще я думал, что вот она, моя милая, так и едет без трусиков, а между тем не такой уж теплый вечер и кожа сидения холодна.

Возле поворота к Наср-Сити я велел таксисту повернуть направо:

– Дильвати шемаль.

Его лысина озадачилась, и он обернулся, удивленно вынув правую кисть, щепоткой пальцев вверх:

– Там ничего нет, мистер... Вон Наср-Сити...

– Налево, – сказал я. – Лязем! – То есть, надо.

Он положил руки на руль и в полном недоумении свернул направо, на пустынную дорогу, по которой я ездил на дежурства в Гюши.

– Истанна! Стой! – сказал я возле недостроенного стадиона.

– Ле? Почему? – спросил он, полагая, что я не ведаю, что говорю.

– Истанна! Халас! Все, приехали! – сказал я и протянул ему деньги.

– Что ты придумал? – спросила Ольга, впрочем, готовно вылезая за мной.

– Так нужно, – сказал я.

Шофер постоял на всякий случай, светя в темноте салоном и фарами, словно поджидая, не взбредет ли мне в голову еще какая-нибудь идея, а затем медленно поехал вперед – одинокая машина на пустынном ночном шоссе, где слева под звездным небом темнела чаша недостроенного стадиона, а справа виднелись еще какие-то спортивные сооружения, вроде трибун теннисного корта.

Я обнял подругу за плечи и повел ее направо. За трибунами, с тыльной стороны, была довольно большая зеленая поляна, отгороженная от них кустами. Середина поляны была залита водой – вода блестела в лунном свете. Огромную лужу облюбовали лягушки и оттуда доносился их дружный хор. Лягушки не только квакали, но и пели сопрановыми голосами.

– Куда ты меня ведешь? – беспечно спросила подруга, поспешая рядом спортивной подпрыгивающей походкой.

– К тебе же нельзя, – сказал я, зная, что там дежурит ее приятельница, на которую она оставила свою дочку. Чтобы было веселее, подруга должна была привести и своего ребенка.

– И что мы будем здесь делать?

– На звезды смотреть, – сказал я. – По очереди.

– Почему не вместе?

Я нашел у кустов укромное сухое местечко с мягкой травой-муравой, скинул куртку и, обняв свою подругу, хотел опустить ее на землю.

– Я сама, – сказала она и присобрала юбку на бедрах, так что оголились ее красивые свежие сильные ноги, ноги двадцатисемилетней женщины, почти моей ровесницы, учившейся в школе всего на один класс старше, чем я, – и, торопливо глянув через плечо вниз для точности, аккуратно вписала свой прохладный гладкий задок в шагреновое поле моей куртки.

В Ольге была какая-то удивленная готовность, словно хотя все это и было ей до мурашек внове, ее неумолимо тянуло вперед, как путешественника или ныряльщика за губками или жемчужинами. Ей хотелось туда, где она еще не была. Видимо, она была Стрельцом по знаку зодиака. Или просто была спортсменкой и привыкла принимать мяч, посланный в ее сторону. Это был игровой азарт.

Переполненный желанием, я расстегнул брюки – уверенность я черпал в ней, ничуть не сомневаясь в своих действиях, и сразу же погрузился в горячее, упругое, влажное, готовно отвечающее, без всех этих мелких женских ухищрений и заморочек, – отвечающее открыто и простодушно, как отвечают, когда испытывают наслаждение. Открытие этого радостного животного партнерства пронеслось над моей головой ночной молчаливой птицей, и я впился в губы Ольги, просовывая язык между ее зубами, чередуя его погружение во влажную полость рта с другим погружением, радуясь силе и молодости наших тел, соединенных теперь как бы по их собственной воле, будто наша роль была лишь в том, чтобы свести их, соединить, а потом уж они сами... Неподалеку в огромной непросыхающей луже, похожей скорее на прудик, сладострастно верещали лягушки, занимаясь тем же самым, что и мы, только в полный голос. Мы же молчали, обмениваясь лишь дыханием, и по ее дыханию я понимал, *что* она чувствует, как она – по моему. И еще я помнил, что нас освещает луна, и в помощь ей светят все звезды. И хотя трава суха, видимо брюки у меня на коленях слегка позеленеют, но снять их совсем в тот момент мне почему-то показалось нелепым. Да и вообще я, кажется, впервые в жизни лежал между коленей, поднятых не к потолку, а к звездному небу.

И вот, в этот момент полной гармонии со своей подругой, с природой и даже с лягушачьим братством, я услышал шаги – как бы хлопки плотной материи по лодыжкам, или сандалий – по пяткам, и, прервав поцелуй, поднял голову и глянул перед собой над запрокинутым лицом своей любимой, полагая, что такое невозможно и что мне просто послышалось. Но мне не послышалось – в пяти шагах от себя я увидел фигуры двух человек, спешащих к нам. Видимо, из меня вырвалось какое-то слово – испуга, брани или проклятия – я его не помню. Помню только, что мы стремительно разъединились, распались на две отдельные особи, на два начала, мужское и женское, инь и ян, и вот уже два араба стояли над нами, заслоня собой небо со звездами, а мы сидели на траве, ибо состояние нашей одежды не позволяло нам встать, хотя, слава аллаху, вид сверху у нас был вполне пристойным.

Мне показалось, что это полиция. Проклятый таксист – его, стукача, работа.

– Что вы здесь делаете? – спросил по-арабски один из арабов, он был в галабее с длинной палкой в руке. Второй полицейский был в форме.

– Отдыхаем, – сказал я как можно беспечнее. Терять мне или нам было нечего. Сейчас нас отведут в полицию, выяснят, кто мы такие, позвонят в посольство и выдворят из Египта в двадцать четыре часа. Впрочем, я не знал, в какой фазе нас застукали – в лежащей или уже в сидящей. Моя любимая так стремительно изменила свою позу, как возможно только в миг смертельной опасности.

– Кто вы такие – немцы, русские, чехи? – спросил араб, держа палку наготове, чтобы выглядеть внушительно.

– Чехи, – сказал я, мгновенно решив, что на установление арабами разности наших славянских языков я выиграю какое-то время.

– И мадам чехи?

– Чехи, – кивнул я, как бы оговаривая таким образом наши чешские права, не вписывающиеся в местные законы.

– Здесь нельзя находиться, – сказал араб.

– Почему? – простодушно удивился я. Сам факт того, что вместо того чтобы действовать, полиция ввязалась в разговор, меня несколько ободрил. Да и вообще пора бы им знать, что для нас, чехов, целоваться на природе, пусть даже в лежащем положении, это в порядке вещей. Мы все-таки не мусульмане. У нас нет шариата. И никто в полиции не докажет, что мы занимались каким-то непотребством.

– Потому что вы нарушили законы, – сказал араб. – Где вы живете?

– В Гелиополисе, – сказал я, потому что в Наср-Сити мне чехи не попадались. Надо сказать, что невыгодность своего положения сидящего рядом со стоящим, которое я не мог изменить, не надев предварительно брюк, я инстинктивно старался чем-то компенсировать. За эти три месяца я все-таки привык к своему несколько привилегированному положению в арабском мире бедности, как бы положению среднего буржуа, эфенди, и нотки человека, знающего свои права, прорывались в моем голосе, а некоторое присущее мне от природы высокомерие, пусть на самом деле оно и было лишь защитной маской, так вот высокомерие это как бы настаивало на том, что я и полицейские – мы стоим на разных ступеньках социальной лестницы. И – я это чутко уловил – полицейские признали сей факт. Во всяком случае, они были не слишком решительны. Разговор наш длился и был похож на словесную перепалку, в которой каждая сторона настаивает на законности своих притязаний. И выстраивалась картина, когда подвыпившие супруги чешской национальности решили ради экзотики развлечься не в собственной постели, а на природе в укромном уголке, и теперь не очень врубались в то, что от них хотят представители местной полиции. Но полицейские были настроены серьезно, и казалось, что египетская судьба наша висит на волоске.

– Сейчас мы отведем в участок, – сказал араб с палкой в руке, в то время как второй, в форме, продолжал хранить молчание,

– Пожалуйста, – пожал я плечами с видом, что там-то как раз и разрешится данное недоразумение.

Арабы стояли над нами выжидающе.

– Тогда отойдите немного, – сказал я, – мадам должна привести себя в порядок.

Словами этими я признавал, чем мы тут занимались, но у меня не было выбора.

Арабы переглянулись, перекинулись парой фраз и отошли на несколько шагов, оказавшись за кустом, из-за которого я видел только их головы.

Собственно, моей милой нечего было приводить в порядок, она только оправила юбку, и тем же движением поправила волосы, а я застегнул молнию на ширинке, затянул брючный ремень, надел распыленную на земле куртку, на которой уже выветрилось тепло ягодич моей милой.

Я глянул в сторону арабов – они тихо переговаривались между собой, полностью отвернувшись от нас.

И вдруг я почувствовал, что у нас есть шанс:

– Беги! – шепнул я милой, и она, тотчас поняв меня, кивнула, мгновенно сняла с себя лодочки на тонких каблуках и, ступив за зеленую ограду кустов, стремительно, как молодая лань, припустила в сторону шоссе. Страх и жажда жизни были в ее легком почти неслышном беге.

Я помедлил секунду, смиренно поджидая своих полицейских, но они еще не обернулись ко мне, видимо, полагая, что на приведение себя в порядок у нас уйдет больше времени. И голос во мне тихо, для меня одного крикнул: «Что же ты стоишь?! Сам беги!» И я побежал. Ночной воздух ударил мне в лицо, и я почувствовал, что им меня не догнать, как не догнать им и моей милой. Так мы и бежали вдоль живой изгороди кустарника, по разные его стороны, слыша друг друга.

– Быстрее! – призывал я милую, и она бежала быстрее.

Кустарник, разделяющий нас, кончился, и я схватил ее за руку, увлекая к полотну шоссе. Мы поднялись на него, пересекли и, спустившись в небольшой ров, побежали по той стороне, уже невидимые для глаз полицейских.

Только теперь мы осознали, что нас никто не преследует, и на бегу, еще судорожно держась за руки, расхохотались.

Почти три месяца я буду ходить к ней по ночам, и мы будем ненасытно предаваться любви. А потом она уедет, не попрощавшись, поскольку я буду на Суэцком канале. И когда я вернусь, ее подруга позовет меня – не столько для того, чтобы передать мне что-то от Ольги, а скорее, чтобы занять ее место (это явно читалось в ее взгляде).

С ее подругой я встречаться не стал.

1987